

Новичок

Автор:

[Макс Брэнд](#)

Новичок

Макс Брэнд

Аллан, герой романа «Новичок», не был преступником, но все знали, что его путь пересекался с шайкой Гарри Кристофера. А значит, – виновный или невиновный, – он должен быть убит. Таков закон – в глазах его блюстителей.

Макс Брэнд

Новичок

Глава 1

Слабак?

Винсент Аллан был упитанным молодым человеком, но его тело не казалось рыхлым. Скорее он был похож на круглого, гладкого морского котика, плавающего в бассейне. Округлая шея едва помещалась в воротник шестнадцатидюймового размера. Круглый торс, пухлые длинные руки. Глаза его были бледно-голубыми, а на губах все время играла легкая застенчивая улыбка. Однако эта кроткая улыбка приносила Аллану одни неприятности, потому что иногда людям казалось, будто он над ними насмехается. И президент тоже не избежал этой ошибки.

Это был президент не того маленького отделения банка, где Винсент Аллан уже пять лет исписывал быстрым, аккуратным почерком толстые гроссбухи с деловыми расчетами или терпеливо и добросовестно считал на арифмометре. Президент был очень важной персоной. Он возглавлял всю огромную сеть финансовых организаций, в которой отделение банка, где трудился Аллан, было лишь незначительным, мелким звеном. Но во всей этой организации не было никого и ничего слишком мелкого, не стоящего личного внимания президента. Его любимый афоризм – а у президента было очень много афоризмов на все случаи жизни – звучал так: «Если ты действительно хочешь что-то сделать, время у тебя найдется». И президент не только сам строго следовал своим изречениям, но и от всех остальных людей требовал того же. Если ему достаточно четырех часов сна в сутки, то и другим этого должно хватать. Более того, необходимость целых четыре часа в сутки проводить в бездействии ужасно его раздражала. Президент считал, что сон – всего лишь привычка, причем весьма вредная.

В этот день президент должен был посетить торжественный обед, где собрались все работники филиала банка. После того как собственно обед закончился, президент выступил с речью. У него было заготовлено несколько речей. О честности и о том, что она дает человеку. О бережливости. О верности – воистину, золотая добродетель! Или такая тема: «Совесть – вот что в нас главное». Обычно он предпочитал говорить о морали. Но сегодня он решил удивить слушателей и заговорил о теле.

– Все мы получили в дар от Господа две важные вещи, – начал президент. – Это, во-первых, наш разум, который нам приходится пускать в ход, чтобы обеспечить свое существование, а во-вторых, наше тело. Тело – это тоже Божий дар, почти равный рассудку. Но кто из вас, молодые леди и джентльмены, кто из вас пользуется своим телом так, как должно?

Он по очереди ткнул пальцем во всех служащих, чтобы они прониклись этой горькой истиной. У бедных горожан задрожали колени. Президент и сам дрожал от возбуждения всеми ста двенадцатью фунтами своего тощего тельца.

– Идите в гимнастический зал! – провозгласил он. – В наш век машин физическая сила почти не находит применения. И все же идите в гимнастический зал! Имейте мужество признать свою слабость. Только через признание слабости вы обретете силу.

Сила слабости – в смирении! Смирение тела, смирение души и непоколебимая решимость достичь совершенства, заботливо развивая то, что дано нам Господом! – Внезапно он запнулся и побагровел от гнева. – Молодой человек! Вы позволяете себе улыбаться! Но гордецы и насмешники падут, а смиренные достигнут высот!

Этот грозный выпад был направлен против бедного юного Винсента Аллана. Легкая улыбка, игравшая на губах юноши, мгновенно испарилась.

А остальные служащие стали тайком посмеиваться, видя, что президент уже выбрал себе жертву. Только руководитель того филиала банка, где служил Аллан, покраснел и нахмурился. Он хорошо знал этого достойного молодого клерка, предупредительного и скромного. Но возразить президенту перед многолюдным собранием он не отважился. Ведь это могло навлечь гнев шефа на него самого, а он не хотел подвергнуться унижению при своих подчиненных.

– Встаньте! – прогремел голос президента. – Встаньте, чтобы все могли видеть того, кто посмел насмеяться надо мной, когда я говорю о культуре тела!

Винсент Аллан поднялся. Его лицо пылало. Любой другой на его месте скромно потупил бы взор, всем своим видом выражая смирение и раскаяние, но у Аллана была еще одна особенность. Когда он бывал особенно сильно напуган или пристыжен, он смотрел прямо в глаза тому, что его смущало или пугало.

– Сколько вам лет? – спросил президент.

– Двадцать три, – пробормотал Винсент Аллан.

Это было сказано самым кротким и мягким голосом, какой только мог звучать из человеческих уст. Президент мгновенно понял свою ошибку – перед ним стоял не дерзкий насмешник, но невинный агнец. Тем не менее отступить он не мог. Костер уже был разложен, и жертву надлежало предать заклятию.

– Двадцать три, – насмешливо повторил президент и нахмурился, словно молодой человек признался в тяжком грехе. – Значит, вам двадцать три года. А какой ваш рост, молодой человек?

– Пять футов девять дюймов, сэр.

– Пять футов и девять дюймов? А сколько вы весите?

– Сто семьдесят пять фунтов, сэр.

– Вы толстяк! – прогремел президент. – Вы страдаете ожирением! На вас по меньшей мере двадцать пять фунтов лишнего жира. А может быть, и все сорок. Да знаете ли вы, молодой человек, что такое этот жир? Это же грех! Жир для тела – то же, что праздность для души! Это тяжкий грех! Вам необходимо избавиться от этого жира. Вы должны обрести свой истинный облик. Стать самим собой! Не прячьте от себя правду за насмешками. Вон тот серьезный молодой человек, что сидит рядом с вами и, как я вижу, внимательно прислушивается к моим словам, – он даст вам десять очков форы в любом состязании. И все равно выиграет!

«Серьезный молодой человек» порозовел от смущения и удовольствия. Это был самый замечательный момент в его недолгой жизни. И единственный замечательный момент за всю его жизнь.

– Оставьте праздность и насмешки глупцам! – продолжал президент. – Идите в гимнастический зал! Учитесь работать мышцами, как вы работаете головой! Вот вы, молодой человек, какие подвижные игры знаете?

– Не знаю ни одной, сэр, – пробормотал несчастный Винсент Аллан.

– Ни одной? Как?! Разве вы никогда не играли в детстве в горелки?

– Нет, сэр.

– Может быть, вы были слишком болезненным ребенком? – спросил президент, немного смягчившись.

– Я... я очень много времени проводил за учебниками, когда учился в школе, – робко ответил Аллан, – и... мне не хватало времени на игры...

– Вам не хватало времени на игры! Не хватало времени! Ах, молодой человек, молодой человек... Если вам действительно нужно что-то сделать, время у вас найдется. Что, например, вы делали на переменах? Почему вы не играли?

– Я оставался в классе, сэр.

– Оставались в классе? Видимо, ваша учительница была очень симпатичной особой...

Эта незатейливая шутка вызвала у служащих взрыв смеха.

– Нет, сэр, – сказал Винсент, растерянно моргая. – Просто мне всегда трудно давалась учеба. Я тугодум, сэр.

Президент прикусил губу. Перед ним был молодой человек, которого следовало бы скорее ставить в пример другим, чем порицать. Но он зашел уже слишком далеко, и отступить было бы трудно и неловко.

– Мой юный друг, чтобы вас не мучили угрызения совести – избавьтесь от этого жира на вашем теле и изгоните сонливость из своих мозгов. Станьте живым и деятельным. Будьте смиренным, но никогда не прекращайте стремиться к вершинам. Перед вами – великая цель. Великая цель, оправдывающая любые усилия! Стремитесь к этой цели! Найдите ее для себя. А теперь можете сесть.

Президент вернулся к основной теме своего спича, но Винсент Аллан не разбирал слов. Он сознавал, что его уличили в смертном грехе. Правда, он не очень понимал, в чем его вина, но чувствовал, что в чем-то он виноват. Его щеки пылали от жгучего стыда, сердце отчаянно колотилось. Аллану хотелось спрятаться, забиться под стол. Но он, как всегда, ничего не мог поделать и продолжал сидеть, тупо глядя в лицо президенту через весь длинный стол.

После обеда Винсент вернулся к своему высокому стулу в банке. Он пытался работать. Часть его мозга автоматически продолжала выполнять расчеты. А сознание Винсента было наполнено уверенностью в том, что каким-то таинственным образом его существование оказалось бессмысленным, его жизнь – прожитой впустую.

Он покраснел, даже шея над воротником стала малиновой. Остальные служащие, сновавшие взад и вперед по отделу, видели состояние Винсента Аллана и кивали в его сторону, многозначительно улыбаясь. Винсент знал, что они посмеиваются над ним. Может быть, они всегда над ним смеялись, ведь он такой вялый и толстый... Да, несомненно, он – слабак. Но раз уж Господь подарил ему жизнь, Винсент должен сделать свое тело настолько сильным, насколько позволяет его конституция. Он должен избавиться от этого жира и стать самим собой, как говорил президент! Винсент посмотрел на свою маленькую аккуратную кисть, на пухлое, почти женское запястье и тяжело вздохнул. Похоже, его телосложение этому не способствует...

На самом-то деле его умственные способности тоже были далеко не блестящими. Винсент был медлительным, вялым юношей. В детстве его считали тупицей. И его воспоминания о школьных годах представлялись сплошным кошмаром. Едва он успевал преодолеть одну трудность, его уже поджидала следующая. Из жестокой борьбы с обычным делением его бросало в запутанные таинства дробей – с числителями, знаменателями, делителями... Уже начальная школа была достаточно ужасной, но средняя – это четыре года настоящего рабства. Одно упоминание об алгебре вызывало у Аллана содрогание. Химия представляла в образе демона из преисподней. Винсент Аллан всегда оказывался последним в классе по успеваемости – до экзаменов. Но на экзаменах он получал на удивление хорошие оценки. Потому как его рабство в том и состояло, что он, взявшись за дело, не бросал его, не доводя до конца. Все, что Аллан изучал, оставалось в его памяти навсегда. Точно так же обстояли дела и в банке. В течение первых шести месяцев работы руководитель отдела ежедневно собирался уволить неповоротливого увальня. Но смотреть в чистые голубые глаза Винсента Аллана и продолжать на него сердиться было невозможно. И вопреки доводам рассудка, начальник отдела вновь и вновь оставлял Винсента в банке. А по истечении полугодового испытательного срока он заметил, что Аллан стал работать лучше – и значительно лучше! Его можно было сравнить со снежной лавиной, которая начинается с маленького камешка, но растет постепенно и неудержимо. Понемногу постигая тайны своей работы, Винсент Аллан постепенно стал незаменимым. Другие могли допустить ошибку, но казалось совершенно невозможным, чтобы в расчетах ошибся Винсент Аллан.

Об этом и размышлял руководитель отдела банка, где работал Аллан, когда возвращался с торжественного обеда.

– Я был слишком строг с этим молодым человеком, – сказал президент за обедом.

– Да, сэр, – ответил он тогда. Потом добавил: – На самом-то деле этот парень – самый надежный и исполнительный во всем банке.

Он удивился тому, что посмел сказать такое в лицо президенту, но бурлившие в нем чувства заставляли открыть правду хотя бы самому себе. По дороге в банк начальник отделения все еще думал об этом, и размышления только укрепили его в убеждении, что Винсент Аллан – лучший работник в банке.

Начальник ненадолго задержался возле высокого стула, на котором сидел Аллан. Постоял – и пошел дальше.

«Надо поговорить с парнем завтра, когда тот придет на работу, – думал он. – И повесить его в должности. Это несказанно удивит самого Аллана и ошарашит нескольких прилизанных выпускников колледжа, работающих в отделе».

Но Винсента Аллана его дружеский кивок нисколько не утешил.

«Меня жалеют, – подумал молодой человек. – Да лучше бы выбрали, чем жалеть!» И сразу по окончании рабочего дня Винсент Аллан направился в гимнастический зал.

Глава 2

Настоящие мускулы

Аллан хорошо знал, где находится гимнастический зал. Он был всего в двух кварталах от дома, где Аллан жил с тех пор, как поступил на работу в банк. Зал располагался на втором этаже, над магазинами. На его окнах большими буквами было написано: «Кэйзи, тренер для настоящих мужчин». Более мелкая надпись внизу приглашала желающих прийти в зал и стать мужчиной в полном смысле этого слова: «настоящим мужчиной, каким вы себя раньше и не представляли». Там еще были две картинки, изображавшие «мужчину до» и «мужчину после» посещения тренировочного зала. У «мужчины до» плечи были покатыми и сутулыми, грудь впалой, а объемистый живот складками нависал над бедрами. У «мужчины после» лицо было то же самое, но как разительно отличалось его

тело! Широкая грудь выпирала как у голубя-дутьша, мускулистый живот был подтянут, а верхнюю губу этого великолепного джентльмена украшала узкая черная полоска усов. В тот вечер Аллан стоял внизу, на улице, созерцал это изображение и раздумывал, действительно ли возможны подобные чудеса. Наивному Винсенту Аллану это казалось возможным. Все было возможным!

Двое парней подошли к подъезду. Аллан услышал, как они взбежали по лестнице в гимнастический зал. О, как прекрасно быть окрыленным силой – как они...

Винсент, в свою очередь, тоже поднялся по ступенькам, медленно и тяжело, как и всегда. Аллан очень редко бегал, даже за трамваем. В его жизни на самом-то деле не было серьезных забот. Он принимал то, с чем приходилось сталкиваться лицом к лицу, разрешал задачи, требовавшие от него огромного умственного напряжения, и, разобравшись с сиюминутными насущными проблемами, Аллан вовсе не горел энтузиазмом вникать в прочие, более мелкие детали существования. Он давно смирился с тем, что обделен умом, и полагал, что ему ничего не остается, кроме как идти напролом к ближайшей цели с неиссякаемой энергией и упорством. Иначе бы он попросту пропал.

И вот, с округлившимися от любопытства глазами, Винсент Аллан вошел в тренировочный зал. В нос ударил крепкий запах застарелого мужского пота. В кресле возле двери развалился дородный негр, который смерил посетителя маленькими красноватыми глазками и спросил:

– Зачем пожаловали, мистер?

– Мне хотелось бы получить разрешение заниматься в этом зале, – сказал Аллан. – Как вы думаете, это можно устроить?

Он сказал это очень вежливо. Для Винсента Аллана даже мальчишка-посыльный был человеком и, следовательно, имел право на определенное уважение. Однако негр, который и был в этом заведении кем-то вроде посыльного, привык презирать всех, кто не презирал его самого. Его толстые губы надменно изогнулись, и он неуклюже поднялся с кресла.

– Ну не зна-аю, – протянул он. – Это тебе надо к мистеру Кэйзи.

Негр пинком распахнул одну створку двери и сунул голову внутрь.

– Нету его, – коротко бросил он Аллану. – Погоди, щас я его позову.

Винсент Аллан вошел в приемную, выбрал стул в дальнем углу, присел, положив шляпу на колени, и принялся неторопливо и обстоятельно созерцать обстановку комнаты, пока из-за двери доносился хриплый голос: «Кэйзи! Э-эй, Кэйзи!»

На стенах висело множество фотографий мускулистых молодых мужчин, одетых в одни только спортивные трусы. Некоторые из них были опоясаны флагами. Все они были сфотографированы в момент, когда наносили сокрушительные удары по противнику. На их лицах застыло свирепое и жестокое выражение, их мышцы, казалось, трепетали от напряжения даже на фотографиях. Все фотографии были подписаны: «Моему другу, Падди Кэйзи», «Королю боксеров, Падди Кэйзи», «Моему учителю, Падди Кэйзи», «Неизменно первому, Падди Кэйзи». Видимо, даже среди этих могучих силачей Падди Кэйзи был самым крутым.

Тем временем в комнату вошел невысокий мужичок, ростом не более пяти футов четырех дюймов. Но его широкие плечи были такими крепкими и мускулистыми, что он переваливался при ходьбе, как матрос на палубе. На нем были белые спортивные брюки и футболка, а поверх футболки топорщился явно надетый в спешке пиджак. Широкой доброжелательной улыбке и приветливому выражению лица мистера Кэйзи мог бы позавидовать любой доктор. Его улыбка немного померкла, когда атлет увидел застенчивого и смущенного Винсента Аллана. Последний же, обнаружив, что перед ним – знаменитый мистер Кэйзи собственной персоной, объяснил, что прочел приглашение, написанное такими большими буквами на окнах зала, и всем сердцем желает стать таким мужчиной, какого может из него сделать мистер Кэйзи.

Кэйзи тем временем успел немного изучить своего посетителя и поэтому счел возможным отбросить ненужные формальности.

– Раз уж ты пришел сюда, малыш, – бросил он Аллану, – тебе придется потрудиться. Здесь тебе не курорт, и я – не волшебник.

Тренер уже определил Аллана в категорию бесперспективных. Он принимал в обучение людей двух категорий. Во-первых, богачей, достаточно состоятельных,

чтобы оплачивать подобные прихоти. Кэйзи рассчитывал в свое время продать одному из них весь зал. И во-вторых, юношей, которые имели шанс со временем стать выдающимися спортсменами: тяжелоатлетов парней с массивными буграми мышц, которые были словно созданы для борьбы, или легкоатлетов молодых джентльменов с крепкими кулаками – они станут знаменитыми боксерами, украшением ринга, если Падди Кэйзи сможет раздуть в них чудесную искорку божественного огня. А занятия с такими, как Винсент Аллан, Кэйзи считал напрасной тратой времени. И конечно же он был прав. А вывеска в окне спортзала осталась с тех времен, когда Падди Кэйзи еще только начинал свою карьеру тренера. И хотя направление тренировок давно уже стало совершенно иным, чем в те далекие дни, Падди оставил прежнюю вывеску как символ удачи. Когда молодые люди приходят на тренировки к Падди Кэйзи, он очень внимательно изучает их. И если они оказываются достаточно крепкими и выносливыми или он замечает в них искру божественного огня победы, которая иногда бывает врожденной, а иногда приходит с опытом, – тогда Кэйзи начинает заниматься с ними тщательно и упорно, чтобы сделать их, как он говорит, «настоящими мужчинами». Но Винсент Аллан не был ни крепким, ни выносливым, и Божьей искры в нем заметно не было. Совершенно неподходящий кандидат.

– Какие у тебя проблемы? – коротко спросил Аллана тренер.

– Я слишком толстый, – ответил тот, заливаясь краской от смущения. – Я хотел бы похудеть до своего нормального веса.

Твердые, как дерево, пальцы Кэйзи впились в плечо молодого человека и стали погружаться все глубже и глубже, пытаясь нащупать упругие и плотные жгуты мышц. Он не нашел ничего похожего – сплошная однородная масса плоти, вязкая, мягкая, без малейших признаков мускулатуры. Атлет с отвращением отдернул руку.

– Ничего не выйдет, – произнес он. – Я ничем не смогу тебе помочь. – Но смущенное и растерянное лицо бедного Аллана тронуло даже его черствое сердце, и он добавил: – Должен сказать, парень, что тебе уже поздно заниматься спортом. Ты никогда не упражнял свое тело. У тебя совсем нет мышц! Только жир с тонкими прослойками мяса. Я удивляюсь, как ты вообще можешь двигаться! Только посмотри, какой ты рыхлый! Дьявольщина, да я могу тебя кулаком насквозь прошибить! Если ты начнешь заниматься сейчас, у тебя попросту сердце не выдержит. Отправляйся домой и забудь об этом. Раньше

надо было приходиться!

Винсент Аллан мелко дрожал всем телом. «Прямо как медуза», – подумал Кэйзи.

– Я способен работать очень упорно, – говорил Аллан. – Я чрезвычайно настойчив, мистер Кэйзи, и... физическое истощение мне не грозит, как видите.

– Ха! – усмехнулся Кэйзи.

Он все еще не решался окончательно выставить парня за дверь. Его останавливал твердый и прямой взгляд юноши. Кэйзи еще не встречал молодого человека, который бы так упрямо смотрел ему в глаза, несмотря на смущение.

– Вот что я тебе скажу, парень. Я, пожалуй, устрою тебе испытание. Видишь ли, у меня есть определенные стандарты. Если ты сможешь выполнить задание – что ж, прекрасно. Если сумеешь пять раз подтянуться, три раза отжаться от пола и выполнить пару других упражнений, значит, ты мне подойдешь. Иди вон в ту комнату, раздевайся. Наденешь вот эти трусы и спортивные туфли. И – в первую дверь направо.

Молодой Аллан медленно раздевался, а в мозгу у него звучал ужасный приговор: «У тебя ничего не выйдет!» Так оно и будет. Винсент Аллан далеко не в первый раз в своей жизни испытывал это ощущение. И по физической силе, и по сообразительности он всегда отставал от других ребят. И вот сегодня уже двое людей увидели его насквозь. Он никуда не годится!

Когда Винсент наконец надел спортивные трусы и обулся в мягкие гимнастические туфли, он прошел через указанную дверь и оказался в большом зале с высоким потолком. В одном конце зала мускулистый молодой человек вертелся на перекладине как волчок. Затем внезапно остановился, так резко, что Винсенту показалось, будто руки у него вот-вот оторвутся, и уселся на перекладину, вокруг которой только что вращался. Аллан смотрел на это как на чудо. Надо же быть таким ловким! Казалось, это не стоило гимнасту ни малейшего труда.

Тем временем к Винсенту подошел мистер Кэйзи в сопровождении крупного джентльмена с очень густыми сросшимися бровями. В одной руке джентльмен держал пару боксерских перчаток, что указывало на его род занятий.

- Ну вот и ты, - сказал Кэйзи. - Он выглядит не так уж плохо. По крайней мере брюхо у него не висит.

Пощупай его руки, Бад.

Бад стиснул своей громадной лапицей пухлую руку Винсента Аллана. Под нажимом его пальцев тонкая и нежная кожа побелела, затем покраснела.

- Здесь же ничего нет! - проговорил Бад почти шепотом, сообщая своему коллеге об ужасном открытии. - Сплошной жир - а под ним сразу кость!

- То-то и оно, - подтвердил Кэйзи.

- Ну ладно, - резко сказал Бад Аллану. - Иди к перекладине, возьми за нее ладонями внутрь и подтянись.

- Это как? - спросил Винсент Аллан.

- Дьявольщина! - воскликнул инструктор. - Ну, подними свое тело, сгибая руки, так, чтобы достать подбородком до перекладины. Вперед, начинай - пять раз, малыш!

Аллан со вздохом посмотрел вверх, на перекладину. Затем крепко уцепился за нее левой рукой и начал подтягиваться. Спортсмены расхохотались. Аллану крикнули что-то насчет второй руки. Он не расслышал, обвис на перекладине и посмотрел на них.

- Давай, давай! - крикнул Падди Кэйзи. Он едва сдерживал смех. - Продолжай. Попробуй подтянуться на одной руке!

Винсент Аллан заметил, что гимнаст, крутивший «солнце» в дальнем конце зала, тоже заинтересовался происходящим. Он прыгнул со снаряда, и на его зов в зал вбежало еще с полдюжины молодых спортсменов. Увидев Аллана, висящего на одной руке, они почему-то дружно рассмеялись. Винсенту Аллану хотелось провалиться сквозь землю от нестерпимого стыда.

Тем не менее он покрепче обхватил ладонью перекладину и напряг руку. Казалось немыслимым, что эта аккуратная маленькая рука сможет поднять его немалый вес. Но Винсент попробовал свои силы и убедился, что тело подчиняется его воле. В руке что-то ожило, затрепетало, пробежало в плечо – вот уже подрагивает все тело... И вдруг Винсент Аллан обнаружил, что оторвался от пола!

Все присутствующие ахнули в один голос – словно разом гавкнуло с десятков собак – и ринулись к Аллану. Ему даже сперва показалось, что они собираются наброситься на него, но потом он сообразил, что они просто подошли поближе, чтобы посмотреть. Аллан смутно слышал голос Падди Кэйзи, который повторял: «Господи! Это правда или мне снится?»

– Гляди-ка! – воскликнул Бад. – Мы-то думали, что это жир, а это мускулы! Настоящие мускулы, Падди! Ты видел, как они ожили? И как только ему это удалось?

Все собрались слева от Винсента и, разинув рот, тыкая друг друга в бок и хлопая по плечу, смотрели, как новичок медленно, но верно подтягивается, держась за перекладину одной рукой. И вот его подбородок оказался над перекладиной.

– Так хватит? – тихо спросил Аллан.

– Да! – выдохнул изумленный Падди. – Теперь опускайся.

Винсент Аллан опустил вниз плавно, без рывков. Таинственные бугры и переплетения мускулов на его руке исчезли, и она вновь стала пухлой и гладкой, такой же мягкой, как у женщины. Но он висел на вытянутой руке, подогнув колени, чтобы ноги не касались пола. И окружающие внезапно заметили, какие у него длинные руки. Изумленным зрителям вспомнилась горилла в зоопарке – Аллан висел на перекладине так же легко и непринужденно, как обезьяна.

Потом его рука вновь начала сгибаться, снова пришли в действие таинственные источники силы, проявились выпуклые бугры мышц. В руках Аллана была жизнь, подобная жизни спутанных и пересекающихся струй в течении бурной реки, – тысячи стремительных потоков, несущихся к одной цели. Казалось, рука стала вдвое толще, под гладкой кожей вздыбились мощные выпуклости, наглядно демонстрируя каждую отдельную мышцу. Пять раз Аллан зависал на вытянутой

во всю длину руке. Пять раз он плавно, не дергаясь, без видимых усилий подтягивал свое тело вверх, пока подбородок не окажется над перекладиной. Затем мягко прыгнул на пол.

- Пяти раз достаточно? - спросил Винсент Аллан у ошарашенного тренера.

Глава 3

Молния в каждом кулаке

Аллан был удивлен, услышав, как спортсмены смеются, хлопая друг друга по спине.

- Эк ты промахнулся, Падди! - говорили они.

- Ну да, - мужественно признался побагровевший Падди. - Меня обвели вокруг пальца. Ты меня надул, приятель, - обратился он к Аллану. - Но откуда ж мне было знать, что ты - профессионал? А где ты выступал-то? В Европе небось?

- Выступал? Я? - недоуменно переспросил Винсент Аллан. - Я вас не совсем понимаю, мистер Кэйзи.

Молодой человек произнес это с такой серьезностью, что смех сразу затих.

- Бог ты мой! - выдохнул Кэйзи. - Парень не врет!

Зрители кивнули.

- Слушай сюда, - сказал тренер. - Чем ты вообще занимаешься?

- Я работаю в банке, мистер Кэйзи, - ответил Аллан.

На Падди Кэйзи внезапно снизошел пророческий дар. Глаза у него выпучились, горло сдавило от нахлынувших на него бурных чувств.

- Ты не банковский клерк! - страстно прошептал новоявленный провидец. - Ты совсем не банковский клерк! Знаешь, кто ты? Ты чемпион мира! Чемпион мира в тяжелом весе! Чемпион в тяжелом весе всех времен и народов! Если только я не ослеп и не выжил из ума.

Это заявление звучало столь торжественно, что окружающие замерли, потрясенные и охваченные благоговением. Что же до Винсента Аллана, то... За эти несколько секунд столь многое успело измениться, что он понял только одно: те, кто собрался, чтобы посмеяться над ним, теперь им восхищаются. Правда, чем они восхищаются, он так и не понял. Видимо, он сказал или сделал что-то замечательное. Но что?

- Не забивай парню голову чепухой, - сказал Бад.

- Почему же чепухой?

- По-моему, ему будет не хватать скорости.

- Да ты что! Разве он перекачан? Посмотри, какой он пластичный и гибкий! Ведь он движется словно кошка, Бад. Парень, ты когда-нибудь занимался боксом?

- Нет, никогда, - ответил Аллан.

- Надевай перчатки, Бад. Ты тяжелее его на двадцать фунтов и на три дюйма выше, но я ставлю на этого парня!

- Он же никогда не боксировал, - нахмурился Бад. - Ты что, не слышал?

- Он никогда раньше и не подтягивался, - ответил Кэйзи.

Все расхохотались. Могучий Бад почему-то вздрогнул.

И вот Бад и Аллан надели боксерские перчатки и вышли на восемнадцатифутовый ринг. Просмоленные канаты, ограничивающие ринг, были во многих местах испачканы, покрыты какими-то темными пятнами. Аллан догадался, откуда они взялись, и содрогнулся.

– Драться будем всерьез, – сообщил Кэйзи.

– Он ведь не умеет даже правильно держать защиту! – запротестовал Бад, сильно покраснев. – Ты что, предлагаешь мне сделать из него отбивную?

– Заткнись и делай что тебе говорят. Надо же посмотреть, на что он годен, прежде чем браться за него всерьез, не так ли? Поэтому заткнись и делай, что тебе сказано. Вы будете драться четыре обычных трехминутных раунда. И – я ставлю на малыша!

«Малыша» посадили на маленький стул в правом углу ринга. Мистер Кэйзи стал сзади, положив руку на плечо молодого человека.

– Погляди на Бада, – приказал Кэйзи.

– Хорошо, – сказал Аллан, и его добрые голубые глаза обратились через ринг к Бад, который сидел на точно таком же стуле в противоположном углу, поставив локти на колени и свирепо уставившись на Аллана. Бад разминал ударную часть каждой перчатки о ладонь другой руки, словно стараясь сделать их как можно более плотными и компактными.

– Ну и как он тебе?

– Похоже, он очень злится, – ответил Аллан. – Что такого я ему сделал?

– Он так злится из-за того, что ты сделаешь с ним через несколько минут, и собирается сделать то же самое с тобой, мальчик. Послушай меня. Бад готовится размазать тебя по этому рингу, так что мне потом придется отскрести тебя от пола.

– Что? – переспросил Аллан.

– Боишься?

Аллан заглянул в себя и задумчиво произнес:

– В животе как-то пусто. И еще мне отчего-то вдруг стало холодно...

Кэйзи неодобрительно заворчал.

- Послушай, парень, - сказал он, - в боксе ты, конечно, ни черта не смыслишь. Если Бад захочет тебя ударить, он тебя ударит. Тебе остается только одно - достать его и посильнее дать сдачи. Понял?

- Что?

- То самое. Пробей его защиту и врежь ему, пока он не достал тебя во второй раз. В челюсть ты ему, конечно, не попадешь - он для этого слишком верткий. Так ткни его кулаком в ребра. Это все, что тебе надо сделать. Ударь его со всей силы по ребрам - и на этом бой закончится.

- Но, - заметил Аллан, - он же значительно крупнее меня.

- Размеры не имеют никакого значения, малыш, - ответил Кэйзи. Его сильная мускулистая рука поглаживала плечо Винсента Аллана - теперь-то тренер знал, что скрывается за обманчивой мягкостью юноши. - Вспомни старинную сказку о Давиде и Голиафе. Вспомни старого Боба Фицсиммонса. Этот парнишка весил не более ста шестидесяти пяти фунтов, но не было никого, кто оказался бы слишком велик для него. У тебя на пять фунтов больше, чем у старины Боба, и - скажу тебе по секрету - ты вдвое сильнее Боба в его лучшие времена. Тебе бы только научиться правильно наносить удар, малыш!

Как по волшебству, откуда-то собралось с полсотни зрителей. Кто-то ударил в гонг.

- Все в порядке, мальчик, - ободрил Аллана тренер. - Врежь этому здоровенному увальню как следует по ребрам, и будем считать, что сегодня ты славно потрудился.

И Аллана спихнули со стула. Увидев, что Бад несется ему навстречу, Аллан размеренным шагом пошел к центру ринга. Руки его при этом болтались.

- Он совсем не соображает! - возопил Кэйзи. - Эй, ты, придурок, закройся перчаткой!

– Что вы говорите? – переспросил Аллан и обернулся к Кэйзи.

В этот самый момент Бад налетел на него всей мощью своих ста девяноста фунтов. Если он хотел, чтобы эта схватка не нанесла урона его репутации, ему следовало завершить ее как можно быстрее. Поэтому он вложил в этот первый удар всю свою мощь. Ему не пришлось для начала прощупывать противника серией пробных ударов. Боксер пригнул голову и, вкладывая весь вес в движение плеча, устремил мощный кулак в подбородок новичка. Ужасающий удар правой был точен и поистине неотвратим. Но парень как раз в это время неожиданно повернулся к мистеру Кэйзи. Поэтому удар пришелся не в челюсть, а в щеку. Звук удара, больше похожий на удар молота о наковальню, разнесся по всему огромному залу.

Затаившие дыхание зрители вскочили со своих мест и испустили дикий вопль ярости и ликования. Такой же крик несется над ипподромом, когда к финишу приближается победитель, или над стадионом, когда футболист забивает решающий гол. Все полсотни зрителей шатнулись в сторону, как бы повторяя движение падающего новичка.

Но он не упал.

Напротив, казалось, этим ударом его подбросило вверх и как будто ветром пронесло через весь ринг и прижало к канатам. Там он и стоял, глядя на противника все тем же мягким взором, немного удивленный, и потирая перчаткой то место, куда пришелся удар.

Если раньше в зале кричали, то теперь поднялся неистовый рев.

– Выдержал! Как он выдержал удар! – вопили зрители. А Кэйзи в восторге встал на руки и прошелся по залу колесом. Бад в изумлении разглядывал свою верную правую руку, которая так неожиданно подвела его.

– У него челюсть опилками набита! – проворчал он и снова ринулся вперед, несколько обескураженный, но с прежней свирепостью во взгляде. В атаку!

Он осыпал молодого Винсента Аллана градом быстрых ударов. Бад атаковал с дальней дистанции, нанося ужасающие удары в голову и корпус противника. Кулаки боксера лупили в ребра Аллана, словно в барабан. Наконец Аллан

прорвался через мелькающие руки в перчатках и схватил противника. Он ощутил, как крепкое тренированное тело боксера подалось в его железной хватке. У Бада перехватило дыхание. Он испуганно вскрикнул:

– Уберите от меня этого медведя! Это что, борьба, что ли?

– Извините, – произнес Аллан, отступая назад.

– Вмажь ему, малыш! – заорал Кэйзи.

Аллан послушался и легонько ткнул противника в щеку.

– Нет! Со всей силы! – вопил Кэйзи через сложенные рупором ладони.

Но парень только потряс головой.

– Он все-таки никуда не годится! – простонал Кэйзи. – Не бойцовский у него характер!

Между тем Бад немного пришел в себя после сокрушительного бокового удара Аллана, который со стороны выглядел как легкий шлепок. Он машинально выбросил вперед прямую левую – этот прием оставался краеугольным камнем, на котором строилась вся лучшая боксерская тактика, – потом шагнул вперед, поднявшись на носки, и стремительно, как распрямившаяся пружина, выбросил правый кулак, целясь ему в подбородок. Это был великолепно выполненный прямой удар, подкрепленный почти двумя сотнями фунтов мускулатуры. Винсент Аллан покачнулся, как корабль при сильном ветре.

– Бей! Бей! Бей! – неистово вопил Кэйзи, видя, что его протеже готов отступить.

Аллана выручили инстинкты и способность к подражанию. Он поднял руки, как это делал его противник, и принялся тыкать в него прямой левой рукой. Но в его ударах не чувствовалось вдохновения. Бад легко уклонился от них и скользнул вперед, чтобы продолжить экзекуцию. Приблизившись вплотную к Аллану, боксер почти до колен опустил кулаки и резко ударил снизу вверх, целясь в челюсть новичка. Удар откинул голову Аллана назад, но не оглушил. Страшный удар не подействовал на его мозг. Но жесткая перчатка содрала с подбородка

Аллана кусочек кожи. Прикоснувшись к оцарапанному месту и увидев на перчатке маленькое округлое темное пятнышко, молодой человек нахмурился. В этот момент прежний Винсент Аллан умер и родился другой, который сразу позабыл все уроки жалости, милосердия, человеческой доброты и мягкосердечия. Только что он видел мелькающие кулаки в перчатках, блестящее тело Бада, чувствовал запах пота, слышал оглушительные вопли толпы вокруг ринга и подзадоривающее рычание Падди Кэйзи, но теперь все это куда-то исчезло. Аллан стоял, окруженный вязкой тишиной, и единственное, что для него существовало, – были горящие яростным огнем глаза Бада. В сердце молодого человека осталось одно только страстное желание погасить эти светящиеся глаза, сделать их темными как ночь, беспомощными, пустыми.

Бад был уже рядом, оба его кулака летели к цели. Но Аллан, прикрыв грудь рукой, отразил атаку боксера. Со стороны показалось, что Бада отнесло в сторону словно перышко. И прежде, чем Бад пришел в себя, Аллан оказался рядом с ним. Он двигался мягко, как тигр. Каждый нерв его трепетал, каждая мышца была напряжена. Вот он уже в пределах досягаемости подобных мельничным жерновам перчаток. Ноги Аллана словно приросли к полу, и он ударил. Кулак впечатался в грудь Бада. Что-то хрустнуло. Бад бесформенной грудой без чувств повалился на пол.

Аллан остановился. К нему вновь вернулось ощущение реальности. Он услышал неистовый многоголосый рев. С полдюжины людей влезли на ринг через канаты и подняли Бада. А Винсент Аллан подошел поближе и посмотрел в потускневшие, неживые глаза, невидящим взглядом уставившиеся в потолок. Хотелось бы сказать сейчас, что Винсент Аллан испытал жалость или угрызения совести. Но, если оставаться верным суровой правде, следует признаться, что он чувствовал только несравненную сладость победы. Та животная сущность, что пробудилась в нем, жаждала лишь одного – сражаться снова!

Бада унесли с ринга, положили на кушетку. Торопливо вошел врач с сумкой в руке и склонился над неподвижным телом.

– Сломано два ребра, – сообщил он. – Парню очень повезло, что удар пришелся не в левую половину грудной клетки, иначе мы бы имели свежий труп, Кэйзи.

Потом они вынесли Бада из зала.

За все это время никто не подошел к Винсенту Аллану. Аллан чувствовал, что они ощупывают его взглядами с ног до головы, следят за тем, как легко он дышит, изучают гладкие выпуклости тех таинственных жгутов мышц, что обвивали его руки и мощными пластами лежали на груди и плечах. Но ни один не подошел и не сказал ни слова – ни одобрения, ни порицания. Их взгляды напоминали Аллану взгляды детей, наблюдающих в зоопарке за спящей в тени за сеткой черной пантерой – густым чернильным пятном в окутавшем ее мраке.

Но вот Кэйзи, не проронив ни звука, взял его за руку и повел обратно в свой кабинет. Лицо тренера было бледно, губы плотно сжаты. Он оглядел Аллана с головы до ног, бормоча про себя:

– Я... я не понимаю... Я не знаю, откуда это... Что ты чувствуешь вот здесь? А здесь?

Твердыми пальцами он ощупывал челюсть и тело Аллана в тех местах, куда попали сокрушительные удары Бада.

– Ты что, ничего не чувствуешь? – спросил он, ошалело глядя на Аллана.

– Конечно, чувствую, – произнес молодой человек. – У меня сильно болит ссадина на подбородке.

– У него сильно болит ссадина на подбородке! – передразнил Кэйзи. – О, дьявол! Неужели ты ничего не ощущаешь вот здесь, на челюсти? Или там, где он попал тебе в живот?

– Боюсь, что нет...

– Ты – боишься? Так топор боится леса! О чем ты сейчас думаешь?

– Когда я буду драться в следующий раз.

– Тебе хотелось бы подраться еще?

Аллан вздохнул. В его памяти снова и снова прокручивался весь этот бой. Он отчетливо видел весь поединок до мельчайших деталей, точно так же, как был

способен с ошеломляющей скоростью пробежать взглядом столбцы цифр и выдать результат без единой ошибки. Аллан заметил, что Бад только в самом начале сильно наседал на него. Нужно было уклониться, поднырнуть под руки Бада и самому коротко, резко ударить в корпус нападающего. А что было бы, если бы он ударил Бада в лицо, когда тот опустил почти до колена правую руку перед прямым ударом в челюсть?

– Мне бы хотелось еще раз повторить этот бой, – сказал Аллан. – Я вижу теперь так много моментов, когда мог легко достать его...

Несколько минут Кэйзи озадаченно молчал.

– Ты знаешь, кто такой Бад? – спросил он наконец.

– Нет.

– Он профессионал в тяжелом весе. Восемнадцать боев. Четыре победы по решению судей, два нокдауна и двенадцать нокаутов! Он никогда не проигрывал – никогда! И теперь – вот это! За один раунд!!!

– Конечно, это длилось довольно долго, – озабоченно сказал Аллан. – Но я же только начинающий, вы ведь знаете. И если...

Падди Кэйзи застонал.

– Сейчас ты пойдешь домой, – сказал он своему подопечному. – А завтра сбегаешь в свой банк и сообщишь им, что ты родился не для того, чтобы сидеть за счетами. Знаешь, малыш, я пять лет ждал, что это случится. Я ждал, когда ко мне придет настоящий боец. И вот ты пришел. Не слишком крупный, проворный – настоящая молния с кулаками! Ты не чувствуешь боли. И каждый кулак как молот! Знаешь, что будет через полгода? Ты станешь чемпионом мира! А теперь иди домой. Будь хорошим мальчиком. Завтра мы с тобой начинаем!

Покорение Горчицы

Аллан пришел домой, в свою маленькую комнату, и сел у окна. Он не включал света, хотя в комнате было темно хоть глаз выколи. Аллан хотел видеть ночной мир. Впервые в жизни им овладело такое желание. Как правило, после ужина он непременно прочитывал главу из какой-нибудь книги, чтобы потренировать свои неторопливые мозги. А потом Аллан переодевался в пижаму и ложился спать, следуя поговорке покойного отца: «Кто рано ложится и рано встает – здоровье, богатство и ум обретет». Но отец всегда с горечью добавлял:

– Если он, конечно, не круглый дурак...

– Угомонись, отец, – говорила тогда мать Винсента. – Как ты можешь говорить такое о своем собственном сыне, о нашем дорогом мальчике!

– Правда – как убийство, – отвечал отец. – Ее не скроешь.

Ни отец, ни мать не любили Винсента. У него был старший брат, Ральф, стройный, проворный и сообразительный. На него возлагались все родительские надежды, ему доставалась вся их теплота и привязанность. Пока он не умер от скарлатины.

– Если бы Ральф был такого сложения, как Винсент, он смог бы побороть болезнь, – сказал тогда доктор. И родители никогда не могли простить этого своему младшему сыну. Они все время невольно давали ему понять, что он не стоит и мизинца Ральфа. Поэтому жизнь в родительском доме была для парня сущим проклятием. Да и вообще, что хорошего он видел от жизни и до, и после смерти отца и матери? Он не мог припомнить ничего более значительного, чем сегодняшний чудесный день. Винсент почувствовал себя совершенно иным человеком. В его руках таилась невероятная сила, которая позволила победить профессионального боксера, намного превосходящего Аллана ростом и весом. Сердце Винсента Аллана тоже наполняла сила, такая же неисчерпаемая, как мощь его великолепных мышц. Аллану нравились романы, но все это случалось с другими. А теперь в нем внезапно проснулась вера в то, что и с ним самим может произойти что-нибудь невероятное, романтическое. Эта мысль ошеломила его.

В квартале отсюда гремела, ревела и завывала Третья авеню. Окончив рабочий день, спешили домой толпы мужчин, женщин, детей. Для каждого из них вечер имел особое значение. Семья, с которой не виделся целый день, замечательные брат или сестра, с нетерпением поджидающие тебя дома... Большой стол, вокруг которого за ужином собираются дорогие тебе люди, с улыбками на счастливых лицах. О, как мила была такая картина Винсенту Аллану! всю свою жизнь он мечтал стать частью такой вот семьи. Но всюду, где он появлялся, его лишь только терпели и втайне презирали.

А в этот волшебный день ему открылась дорога в совершенно иную жизнь. Он мог что-то сделать. Его руки наполняла сила – насколько могучая, он и сам мог лишь догадываться, но, безусловно, немалая. Пока что для Винсента Аллана это была неисследованная область. Ему еще предстояло испытать себя и установить границы неожиданно открывшихся возможностей. Потому что то, что он сделал с Бадом, теперь казалось ему детской забавой. Аллан чувствовал, что последний его удар вполне мог быть в три раза сильнее. Аллан поднял руки, мускулы напряглись, покорные его воле, и в сердце молодого человека вновь запылал огонь битвы.

Он не мог усидеть один в своей комнате. Там, внизу, на улице, люди куда-то спешили, разговаривали, смеялись. И теперь Аллан знал, что найдет себе место среди них. Там, в ночном городе, ему мог подвернуться случай испытать свою мощь. И потому он надел шляпу и спустился по лестнице вниз, на ночную улицу. Теперь он точно знал, что ему нужно.

Аллан неторопливо побрел по темным улицам, позволив потоку прохожих увлечь себя и нести вперед, навстречу неведомому. Он дошел до Бовери, где сливаются потоки транспорта с Третьей и Четвертой авеню и прохожие теснятся по краям дороги как мухи на сладком. Навстречу ему попались трое разбойного вида молодых людей, которые шли держась под руки. Толпа расступалась перед ними, давая дорогу. Аллан приготовился к бою: его мышцы напряглись, ноги чуть согнулись, походка стала пружинистой, кошачьей. Но троица распалась, опасно пропуская Винсента. Он остановился, обернулся к ним и рассмеялся. Это был прямой вызов, но парни потупились и поспешили удалиться.

Аллан пошел дальше.

Среди тысяч торопливых прохожих обязательно рано или поздно должен был найтись человек – и не обязательно один, – кто встал бы поперек дороги

Винсенту Аллану. И тогда представился бы наконец долгожданный случай выпустить на волю ту бешеную мощь, что дремала до поры в его теле. Аллан повернул за угол и пошел по темной аллее городского парка.

Вдруг позади него раздался пронзительный крик. Аллан быстро обернулся и увидел лежащего на дороге ребенка, сбитого автомобилем. А автомобиль мчался дальше, не сбавляя скорости. Молодой человек мгновенно оказался на мостовой и ринулся наперерез движущемуся автомобилю. Когда машина поравнялась с ним, Аллан прыгнул на капот и ухватился за руль.

Водитель пригнулся, что-то крикнул своему пассажиру. Тот выхватил из кармана тускло блеснувший сталью предмет. Аллан даже не успел понять, что это был револьвер. Он ударил, как только заметил блеск оружия, и человек с пистолетом обмяк. Затем Аллан оттолкнул водителя и нажал на тормоза. Машина остановилась, ударившись о бордюр. Аллан вытащил парня из машины на мостовую. Не меньше сотни разъяренных свидетелей события бросились в их сторону, но они еще не успели подбежать, как все было кончено. Человек, которого держал Аллан, беспомощно извивался в его железных руках, но его спутник успел прийти в себя и выскочил из машины, держа перед собой револьвер. Что же делать? Аллан был проворен, но пуля всегда опередит человека... И Аллан сделал единственное, что ему оставалось, – поднял парня, с которым боролся, над головой и, размахнувшись, запустил им в стрелка. Необыкновенный снаряд попал в цель. Парень с пистолетом упал, сбитый телом своего друга. Звук падения слился с приглушенным хлопком выстрела.

Толпа прохожих волной нахлынула на них, заполнила место потасовки. Перед Алланом лежали два неподвижных тела. Прохожие отшатнулись назад. Кто-то закричал:

– Убили!

И Винсент Аллан скользнул в толпу, которая все прибывала даже в этот короткий момент передышки.

Человек погиб. И Аллан был причиной этой смерти. А убийство закон карает смертью. Так думал Винсент Аллан, торопливо удаляясь по тенистой аллее. Он смутно чувствовал, что был прав, что он хотел только наказать этих подонков, которые сбили ребенка и хотели уехать как ни в чем не бывало. Но, каковы бы ни

были его побуждения, факт остается фактом: из-за него только что погиб человек и за это его самого могут отправить на электрический стул.

Сейчас Аллан думал только об одном: убежать и спрятаться как можно надежнее. В кармане у него нашлось немного наличных, которые он не успел положить на банковский счет. Денег было досадно мало, но этого должно было хватить, чтобы уехать довольно далеко. Аллан направился напрямик на Центральный вокзал, заставив таксиста выжать из машины всю возможную скорость. Там молодой человек купил билет до Бостона, и через час колеса поезда уже грохотали по рельсам. Манхэттен остался позади призраком, грозящим опасностью.

На следующий день Винсент Аллан уехал из Бостона в Новый Орлеан. Когда Винсент добрался до Нового Орлеана, в его кармане не оставалось уже ни цента. Последние деньги ушли на чаевые привратнику. Но молодой человек считал, что уехал еще недостаточно далеко. Потому что в новоорлеанской газете он прочитал первое сообщение о том убийстве. Огромный заголовок на третьей странице сразил Аллана наповал:

«Человека использовали как дубинку!»

Чуть пониже было:

«Бандиты сбили машиной ребенка. Прохожий уложил обоих голыми руками и скрылся».

Статья гласила: «Когда Стив Мартин, двадцати семи лет, проживавший на улице Чарлзуорс, 92, в Нью-Йорке, и Майк Хэйнери, двадцати пяти лет, известный еще под кличкой Дэн Кружка, проживающий там же, захватили в отделении Агропромышленного банка на Седьмой авеню огромную сумму денег, составлявшую тысячу семьсот сорок восемь долларов наличными, они не стали задерживаться, чтобы поздравить друг друга с такой знатной добычей, и покинули помещение банка еще до включения охранной сигнализации. У входа их поджидала машина с работающим двигателем, которую они угнали незадолго до ограбления банка.

Грабители спустились по Седьмой авеню, быстро избавившись от погони в первой же уличной пробке. Затем повернули на восток, по Четвертой авеню к

Бовери и свернули с этой знаменитой улицы в переулок, ведущий ко Второй авеню. Когда их машина появилась в переулке, маленькая Роза Коханская, проживающая по улице Литтл-Ханновер, 192, которая играла с другими детьми в догонялки, выбежала на мостовую, спасаясь от погони. Машина грабителей мчалась на большой скорости и задела девочку, сбив на землю. Удар бампера и падение нанесли маленькой Розе множество ссадин и кровоподтеков, а также серьезные повреждения внутренних органов, из-за которых девочка сейчас находится в больнице в тяжелом состоянии.

Тем не менее гангстеров это не задержало. У них хватало других забот, и они лишь прибавили газу, не обращая внимания на гневные крики пешеходов, находившихся неподалеку и ставших свидетелями происшествия. Мерзавцам, несомненно, удалось бы скрыться, если бы неизвестный молодой человек не решил взять дело в свои руки. Он прыгнул на капот движущегося автомобиля и остановил его. А когда двое бандитов напали на него, парень поднял Мартина в воздух и запустил им в Хэйнери. Пуля из пистолета Хэйнери пробила Мартину сердце. Теперь полиция разыскивает молодого человека, который использовал бандита вместо дубинки».

Последняя многозначительная фраза обожгла Винсента как удар кнута. Значит, его разыскивает полиция!

Надо убраться как можно дальше!

В тот же день товарный поезд, грохотавший через ярко-зеленые плантации Луизианы, уносил на запад Винсента Аллана, спрятавшегося в пустом вагоне. В конце первого перегона его обнаружил обходчик. Работник железной дороги вытолкнул Аллана наружу и замахнулся тяжелым сигнальным фонарем, чтобы одним ударом сбросить бродягу с насыпи. Но не успел увесистый фонарь с железной решеткой опуститься, как Аллан резким ударом всадил левый кулак в живот нападавшего. Хилый обходчик взлетел в воздух. Последовал стук осыпающегося по склону щебня, сдавленный возглас и всплеск грязной болотной воды в канаве, куда угодила незадачливый путевой обходчик.

Винсент Аллан не стал дожидаться дальнейшего развития событий. Он спрыгнул с поезда и не спеша побрел вдоль рельсов. Винсента наполняло ощущение легкости и счастья, потому что он знал: чудесная магия силы еще не оставила его – и никогда не оставит. И он сможет проложить себе дорогу в жизни своими мощными руками, куда бы ни забросила его судьба. Его тело наполняла

огромная сила. Однако где найти ей достойное применение? Чем теперь ему следует заняться?

Он не знал этого. И это мало заботило его. Винсент отбросил все заботы и каждый день решал только самые насущные проблемы, без особых трудностей находя себе одежду, пропитание и ночлег. Достаточно было просто протянуть руку и взять все, в чем он нуждался. Сейчас Аллан находился в сельскохозяйственном районе, где огромная физическая сила очень его выручала. Неделю он проработал на сенокосе. Аллан сломал рукоятки трех вил и натер на ладонях кровавые мозоли, пока приобрел необходимую сноровку и научился подхватывать на вилы охапки сена. Но теперь Винсент Аллан научился быстро впитывать новые знания. Всю жизнь Аллан был уверен, что во всем есть какая-то тайна, – от ловкости, с какой женщина управляется с метелкой, до сложного ремесла кузнеца или сталевара. Он был настолько убежден в собственной тупости, что не смел даже пытаться подражать другим и учиться чему-то сложному.

Та схватка с Бадом что-то изменила в сознании Аллана. Он понял, что его руки способны делать то, что умеют другие люди. И даже немного лучше, чем это делает большинство парней. Так продолжалось в течение месяца. Аллан научился не только сгребать сено, но и складывать его в скирды, а для этого действительно требуется немалая сноровка! Научился он и ездить верхом, и сверлить ручной бурильной установкой отверстия под столбы для изгородей. Научился обращаться с топором, с большой двуручной пилой. Конечно, он овладел всеми этими искусствами не сразу, но каждый день он узнавал что-то новое. Училось его тело, учился его разум. Парень попал в совершенно необычную обстановку, пустил корни в новую почву. И с каждым мгновением чувствовал, что тело его меняется, становится таким, каким ему следует быть. Естественная сила его мышц, которой Аллан владел от рождения, теперь тысячекратно умножилась благодаря постоянным упражнениям.

Первые две недели он ложился спать со смертельной усталостью во всем теле и на следующее утро вставал совсем разбитый. Утомленные мышцы отзывались на каждое движение нестерпимой болью. Но постепенно боль начала проходить. К концу месяца лицо Аллана похудело, кожа загорела, на щеках появился здоровый румянец и все тело до кончиков пальцев звенело от переполнявшей его силы и уверенности в себе.

Однако те изменения, что происходили в душе молодого человека, почти не отражались на его лице. Мягкий, добрый свет не исчез из этих светло-голубых глаз, голос Аллана, как и прежде, оставался спокойным, с нотками доверительности и живого внимания к собеседнику. Привычки, приобретенные в течение всей жизни, не меняются так внезапно. Даже спрашивая, что ему делать, Аллан невольно принимал униженную позу просителя. И все же в этих новых землях Винсент Аллан стал другим. Он даже называть себя стал Алланом Винсентом, в надежде, что эта маленькая перестановка собьет с толку разыскивающую его полицию. Несмотря на то что уже несколько недель прошло благополучно, Аллан еще не чувствовал себя в безопасности. В голове у него день и ночь звенела поговорка: «Тайное всегда становится явным». Рано или поздно станет известно, что он был виновником убийства...

Поэтому Винсент уходил все дальше и дальше на запад. К концу второй недели ему внезапно повезло. Вышло так, что один фермер совершил очевидную глупость, заключив с Алланом пари. Фермер ставил на то, что молодой человек ни за что не поднимет огромный трехсотфунтовый тюк сена. Но Аллан подхватил огромный груз и поднял его над головой без видимых усилий. Он мог бы положить в карман пятьдесят долларов, но фермер предложил в уплату долга лошадь – крепкое, прекрасно сложенное животное с сильными ногами, горбатым «римским» профилем и длинными, как у мула, ушами. В придачу к лошади Аллану досталось старое седло, кожаная обивка которого почти вся истерлась и кое-где проглядывал деревянный каркас. Аллан решил, что фермер, должно быть, выжил из ума. Он оседлал и взнуздал кобылу.

– А как ее зовут? – спросил он.

– Горчица! – ответил фермер.

Не успел Аллан вскочить в седло, как норовистая скотина немедленно сбросила его наземь. Парень взлетел высоко в воздух и грохнулся на землю, больно ударившись спиной. Когда Аллан сел, он обнаружил, что Горчица хитро и беззлобно косит на него глазом, а фермер и его люди заливаются оглушительным смехом.

Аллан продолжал свое продвижение на запад – день в пути, день работы. Но теперь его сопровождала чалая кобыла. Это не значит, что он ехал верхом. Лошадь, свободная от седока и вполне довольная собой, шагала рядом с Алланом. Каждое утро молодой человек начинал с попытки удержаться в седле.

День за днем битва становилась все более отчаянной, все более продолжительной, но каждый раз Горчица неизменно побеждала. Аллан летел кубарем, а она, отфыркиваясь, с видимым удовольствием созерцала картину его падения. Парень весь покрылся синяками, но не оставлял попыток покорить строптивую кобылу. С деятельной помощью Горчицы он прошел интенсивный, сжатый курс обучения езде на брыкающейся лошади. Тем временем район сельскохозяйственных угодий остался позади. Аллан попал в свободную, неосвоенную страну. Днем его взору открывались только голые коричневые горы, которые становились синими с наступлением вечера. И тут-то у Аллана появился спутник.

Глава 5

Товарищ

Аллан заночевал на склоне холма, где было много сухого кустарника, годного на топливо. Рядом протекал ручеек, с не очень чистой, но все же пригодной для питья водой. Кто бы теперь сумел признать в крепком загорелом парне, Аллане Винсенте, сидящем на корточках у костра с закопченной сковородкой и почерневшим от сажи кофейником, бледного, изнеженного банковского служащего? Не привыкшую к загару кожу солнце опалает очень скоро. А неопытные новички к тому же не умеют прятаться от солнца. На голове у Аллана вместо широкополой шляпы, какие носят коренные обитатели этих земель, был какой-то фетровый колпак, некогда бывший черным. Он защищал голову только от отвесных полуденных лучей, а в течение всего остального дня, когда свет падает под углом, лицо и шея молодого человека непрерывно подвергались воздействию беспощадных, обжигающих солнечных лучей и теперь напоминали цветом темное красное дерево. От тяжелого физического труда округлые прежде щеки Аллана осунулись, проступили скулы и квадратные очертания подбородка. Из одежды на парне были старый пиджак с протертыми локтями, бледно-голубая, выцветшая от времени фланелевая рубашка, изрядно поношенные рабочие брюки и тяжелые сапоги из бычьей кожи. Да, наряд у Аллана был теперь не из лучших. Но, несмотря на внешний вид, он чувствовал себя счастливым как никогда ранее. Потому что с каждым днем возрастала его мощь, тело наливалось зрелой силой. Аллан ощущал себя богатым, как Крез: его достояние было неисчерпаемо.

Молодой человек жарил кусок бекона, над горячим кофе поднимался ароматный пар, когда Горчица внезапно подняла голову и заржала. Почти тотчас же Аллан услышал мерное цоканье подкованных копыт лошади, рысью бегущей вверх по склону холма. Вскоре в поле зрения показалась маленькая фигурка всадника на отличном крапчатом коньке, который уверенно петлял среди валунов. Плоский красный диск заходящего солнца смотрел Аллану прямо в глаза, поэтому, только когда незнакомец подъехал совсем вплотную, Аллан сумел рассмотреть, что перед ним – девушка. И в самом деле, она управлялась с конем так же ловко и небрежно, как мужчина. Подъехав поближе, девушка бросила поводья и повернулась в седле боком.

– Привет тебе, незнакомец! – бросила она.

– Добрый вечер, – ответил Аллан и, заслонив глаза от света, взглянул на гостью. Лицо девушки было коричневым от загара, как у индианки, но, когда она отбросила на спину свою шляпу, Аллан увидел узенькую светлую полоску в том месте, где кожу прикрывал от солнца ремешок, и шелковистые белокурые волосы. Но одни ее прекрасные глаза могли бы выдать в ней белую женщину. Очень большие, очень голубые, очень женственные – но выражение в них было совсем не женское. В глазах незнакомки сверкала дерзость, которой хватило бы не на одного мужчину, – дерзость десятилетнего мальчишки, по сравнению с которым все остальные кажутся ручными и послушными. Сейчас девушка отдыхала, поставив локоть на переднюю луку седла и подперев подбородок почерневшим от загара кулачком. При этом глаза ее очень серьезно и внимательно изучали Аллана.

– Ты ведь новичок, правда?

Молодой человек окинул себя быстрым взглядом. По его мнению, он достаточно огрубел, чтобы сойти за настоящего старожилу Запада.

– Я полагаю, что это так и есть, – ответил наконец он. – Я не знал, что это так заметно. Может быть, ты сойдешь с коня и поделишь со мной ужин?

Она мгновенно соскользнула на землю, расседлала коня и поставила седло на землю. Потом подошла к костру и склонилась над сковородкой.

– М-да, не жирно! – В ее голосе звучало уныние.

Аллан сказал, что в его сумке есть еще продукты: найдется немного бекона, кукурузной муки, несколько картофелин, пара банок с консервированными томатами и разное другое.

– Эх! – воскликнула девушка. – И как ты все это лопаешь? Вот что значит новичок! Видишь ли, у тебя есть все, кроме главного. Хорошо, что у меня все с собой!

Она обернулась к своему седлу и достала из сумки обезглавленную тушку кролика приличных размеров.

– У нас на ужин будет тушеный кролик, товарищ, – изрекла девушка. – Подбрось-ка дров. Мне нужен хороший огонь, а у тебя тут один дым.

Аллан повиновался. Покорность была одной из основных черт его характера. Загудело мощное пламя. А ловкие порхающие руки девушки тем временем творили чудеса. Она освеживала тушку, затем длинным охотничьим ножом с лезвием из голубоватой стали порубила мясо на небольшие кусочки. Была конфискована банка томатов, картошка почищена на удивление мастерски и порезана ломтиками. К этому были добавлены остатки бекона. Все смешали и уложили в котелок, который девушка вынула из седельной сумки.

– Выглядит впечатляюще, правда? – заметила незнакомка, подвесив котелок над костром и убедившись, что он не опрокинется. – Котелок, конечно, довольно тяжелый. Но зато это чертовски удобная штука, приятель. Он даст сто очков вперед сковороде. Со сковородой ты будешь набивать брюхо салом и полусырым тестом, а котелок дает возможность нормально, сытно лопать.

Тем временем содержимое котелка от жара ревущего пламени начало закипать по краям. Восхитительный аромат, поднимающийся над варевом, показался Аллану поистине божественным. Девушка присела у костра с оструганной палочкой и время от времени помешивала содержимое котелка. При этом она забрасывала Аллана множеством вопросов о его персоне. Ее интересовало все: откуда он прибыл, куда направляется, чем занимается, как его зовут, сколько ему лет и даже какая у него цель в жизни. Молодой человек ответил, что его имя – Аллан Винсент, что ему вконец опостылела городская жизнь и он ушел на Запад искать то, что можно найти только здесь. Рассказал, как он постепенно пробивал себе дорогу в западные края. Аллану захотелось услышать ее

собственную историю. Девушка шутливо вкратце рассказала о себе, не забывая время от времени помешивать кипящее в котелке варево.

- Мое полное имя - Фрэнсис Джонс, но обычно меня называют просто Фрэнки. Папа назвал меня в честь бойцовой собаки, которая была у него в детстве. Потому что, как он говорил, в моих глазах видна та же бойцовская натура.

Девушка улыбнулась, но Аллан не ответил на ее улыбку. Он слушал ее с вежливым и серьезным выражением лица.

- Мой па очень любил бойцовых собак и норовистых лошадей, - продолжала рассказывать Фрэнсис. - Он ни за что не сел бы на лошадь, которая ни разу в жизни никого не сбросила. Па говаривал, что лошадь - как человек, и если в ней не сидит бесенок, из нее никогда не будет толку. Сам-то мой папаша был мужик толковый и не без чертика внутри. Только вот не везло ему. Мама умерла, когда я была совсем маленькой, я ее даже не помню. Сколько я помню отца, он боролся с дикими лошадьми и долгами. Но лошадь-то объездить можно, а вот кредитора не обуздаешь. Отец говаривал, что долги - как ревматизм, прицепятся - не отвяжешься.

Дела шли так хреново, что мой старший братец, Джим, в один прекрасный день снялся и подался на Запад. Это было три года назад. Ну а па все бился-бился с долгами, а полгода тому назад лег да и помер.

Девушка встала и ткнула палочкой в котелок - несколько рассеянno, как показалось Аллану.

- Я привела ранчо в порядок настолько, чтобы его можно было продать. После распродажи и расчета с кредиторами монет у меня хватило только на то, чтобы оставить себе моего крапчатого и вот это снаряжение. Я пыталась разыскать Джима, но он исчез. И сейчас я его ищу. Однако наше рагу уже готово. Давай сюда миску, Ал!

Еда показалась Аллану необычайно вкусной. Кроличье мясо хорошо проварилось и стало очень нежным. Молодой человек ел с нескрываемым удовольствием.

- Но, - сказал он, - я теряюсь в догадках, как тебе удалось поймать этого кролика?

- Поймать? - переспросила девушка.

- Конечно.

- Сейчас расскажу, - сказала Фрэнсис Джонс. - Когда увидишь неподалеку кролика, подожди, пока он не остановится и не затаится в траве. Тогда посмотри на него в упор, прямо в глаза. Это его загипнотизирует. И тебе останется только подъехать поближе и свернуть ему шею.

- Неужели? - удивленно произнес Аллан.

- Ну да, примерно так, - серьезно ответила Фрэнсис. - Но некоторые ребята не хотят тратить время и попросту пристреливают добычу из револьвера.

- А-а! - сказал Аллан. - Я даже не предполагал, что такая прелестная девушка, как ты, умеет обращаться с оружием!

- Ты даже не предполагал?! - возмущенно воскликнула Фрэнсис. - Дай-ка мне твой кольт, и я тебе покажу, как я не умею с ним обращаться!

- У меня нет револьвера, - смутился Аллан. - Видишь ли, я никогда в жизни не стрелял...

Фрэнсис Джонс в глубоком изумлении уставилась на него, и Аллан понял, что сейчас он упал в ее глазах ниже некуда. Но она ни слова не сказала, просто уселась на место, подперев подбородок рукой, и предоставила Аллану возможность самому помыть посуду, даже не предложив помочь. Однако парень едва ли обратил на это внимание, поскольку его сейчас полностью занимали совершенно другие мысли. Они медленно зрели в его голове, ничем не давая о себе знать, пока работа не была закончена. Солнце уже давно село, когда Аллан наконец повернулся к девушке. Зарево заката померкло, и только вдоль горизонта тянулась яркая оранжевая полоска.

- Путешествовать в одиночку тоскливо, - сказал молодой человек. - Почему бы нам не поехать вместе, пока ты не найдешь своего брата?

Фрэнсис вскинула голову. Последний солнечный луч упал на ее лицо. Девушка показалась Аллану необычайно прелестной.

- Мой братец - суровый парень и живо с тобой разделается, - провозгласила она.

- В самом деле? - удивился Аллан.

- А как ты думаешь, Ал, что еще ему останется сделать, когда он узнает, что его сестра путешествовала вдвоем с мужчиной?

Аллан прикинул в уме все возможные варианты последствий этого и наконец произнес:

- Почему же? Мне кажется, он должен быть доволен тем, что у тебя был спутник в дороге. Разве нет?

Девушка даже рот открыла от изумления.

- Ты получишь грандиозную трепку! - заключила она через некоторое время.

- Что-то не так? - не понял Аллан.

- Много у тебя было девушек? - спросила вдруг Фрэнсис.

Для Аллана такой вопрос оказался полнейшей неожиданностью.

- У меня не было времени встречаться с девушками, - искренне ответил он.

- Хм... - засомневалась Фрэнки. - Ну, это вряд ли.

- Я всегда был очень занят, - признался Винсент. Он судорожно сглотнул. Было невероятно тяжело и горько открывать ей всю правду о себе. Но было в этой девушке что-то такое, что Аллан не мог поступить иначе. - Я всегда отставал, когда учился в школе. Поэтому мне приходилось дополнительно заниматься весь день до вечера, чтобы наверстать упущенное. И то же самое было, когда я окончил школу и пошел работать. Мне нужно было изучить так много нового, и

свободного времени опять совсем не было. Кроме того, – продолжил он, все сильнее смущаясь, – чтобы общаться с девушками, надо быть очень решительным...

– Со мной ты разговариваешь очень мило, легко и просто, – заметила Фрэнки.

– Ты похожа на мужчину – нет, скорее на мальчишку! – ответил Аллан. Ему было приятно облечь в слова свое неожиданное открытие. Оно объясняло очень многое в его собственном понимании происходящего. Аллан, улыбаясь, шагнул к девушке. – Тебя легко понять. И ты не смеялась надо мной все время...

Винсент отступил с разочарованным вздохом, потому что в этот самый момент Фрэнсис разразилась звонким смехом. С большим трудом ей удалось вновь принять серьезный вид. Девушка вскочила, схватила Аллана за руку и дружески встряхнула ее.

– Ты странный, – сказала она. – Но думаю, все будет в порядке. Я, пожалуй, устроюсь на ночлег на другом склоне холма. Позови меня, когда будешь готовить завтрак, хорошо?

С этими словами она поднялась и пошла вверх по склону. Пронзительно свистнула, на свист прибежал ее крапчатый жеребец и пошел за ней по пятам, как собака. Винсент смотрел на фигуру девушки на фоне звездного неба. Но вот она скрылась, и все вокруг поглотила непроглядная ночная мгла. Винсент вдруг почувствовал себя отчаянно одиноким. Это чувство было даже острее, чем в ночь трагедии, так внезапно изменившей его жизнь, когда он бежал из Нью-Йорка в Бостон.

Но что он мог поделать? Для начала – подбросить веток в костер. Но когда пламя вспыхнуло ярче, ощущение безграничной тьмы вокруг и равнодушного холода далеких звезд только усилилось. Аллан оставил костер и решил немного прогуляться. Горчица не станет бегать за ним, как Крапчатый Фрэнсис. Винсент уныло брел, спотыкаясь о камни, и не находил успокоения. Где-то далеко в ночи раздался протяжный волчий вой, и в голову Аллану пришла вдруг ужасная мысль, что поблизости могут оказаться другие волки.

Может быть, Фрэнсис угрожает опасность? Ведь она ночует одна на другой стороне холма. Конечно же его долг – защищать девушку. От этой мысли у

Аллана потеплело на душе. Он поспешил вверх по склону и осторожно пошел вдоль гребня, стараясь не потревожить девушку своим приближением. Через полчаса нелегких поисков Аллану удалось наконец обнаружить песчаную ямку, окруженную валунами, где, плотно завернувшись в шерстяное одеяло, спала Фрэнсис. Аллан подошел так близко, что мог в кромешной тьме различить правильные черты ее нежного лица и звук легкого дыхания. Парень долго стоял, склонившись над спящей девушкой, исполненный невыразимого восхищения. Затем сел, прислонившись спиной к валуну, и начал свое бдение.

Ночью похолодало. Аллан стиснул зубы и обхватил себя руками, борясь с пробирающей насквозь ночной сыростью. Медленно, но верно им овладевало сонное оцепенение. Но он мужественно гнал сон прочь. Винсенту было приятно сознавать, что таким образом, тихо и незаметно, он оказывает услугу этой необыкновенной девушке. Его сердце переполняло необычайное спокойствие и чувство уверенности в себе. Однако вполне может быть, что в окружающих их мягких ночных тенях вокруг холма скрываются кровожадные дикие звери, готовые наброситься на них и растерзать на куски! От этой мысли кровь застыла у Аллана в жилах. Но парень лишь подобрал увесистый камень и сжал в кулаке. Таким снарядом можно раздробить череп любому живому существу, а уж ради Фрэнсис он не промахнется. Теперь все сомнения его покинули, уныние ушло. Даже дуновение ветра, шевелившего его волосы, было дружественным, а далекие звезды казались молодому человеку добрыми глазами друзей. Когда же Аллан устал от переполнявших его ощущений, он смог погрузиться в воспоминания. Глубоко в закоулках сознания возникали разнообразные картины, и даже звук голоса Фрэнсис слышался так ясно, что все тело Аллана трепетало.

В спину молодому человеку упирался острый выступ скалы. Винсент Аллан постарался устроиться поудобнее, его голова опустилась, подбородок уперся в грудь. И вот, неожиданно для себя самого, Винсент погрузился в глубокий сон. Смутное чувство вины некоторое время заставляло его бороться с сонливостью, но и оно отступило.

Аллан проснулся оттого, что с него сняли шляпу, и лучи солнца, только что показавшегося из-за горизонта, ударили ему прямо в лицо. Открыв глаза, парень увидел, что рядом с ним стоит Фрэнсис Джонс, наполовину рассерженная, наполовину изумленная.

- Что ты здесь делаешь? - резко спросила она.

– Ох, – ответил Аллан с совершенно глупым видом. – Извини. Я, кажется, заснул? Но мне казалось, будет лучше, если я окажусь рядом с тобой в случае чего... Если случится что-нибудь...

– Превосходно, Ал! – проворковала девушка. – Так ты пришел сюда, чтобы позаботиться обо мне?

Аллан встал, щеки его немного порозовели.

– Я думал, что в случае опасности мог бы тебе пригодиться.

Ему показалось, что в глазах девушки блеснула насмешка, но в то же мгновение пропала.

– Ладно, пойдем готовить завтрак, – изрекла Фрэнсис. – Я голодна как волк!

Глава 6

Разыскивается Джим Джонс

Они уже покончили с завтраком и оседлали лошадей, когда перед бедным Алланом встала громадная проблема. Ведь он не в состоянии усидеть в седле своей норовистой лошадки! Как же ему не отстать от быstroногого Крапчатого? Аллан в великом смущении поведал девушке о своих затруднениях. Изумлению Фрэнсис не было границ.

– Ты хочешь сказать, – выдохнула она, – что путешествуешь с лошадей, на которой не можешь ездить?

– Я пытаюсь научиться, – сказал Аллан. – Я каждое утро пробую удержаться в седле и не падаю с каждым разом все дольше.

– Лошадь вроде твоей, – с усмешкой заявила девушка, – все равно что курице без спичек. Можно посмотреть, как ты пытаешься ее покорить?

Аллан повинувался. Последовала яростная борьба, длившаяся не более трех минут. В конце концов Горчица принялась кружиться на месте, и Аллан вылетел из седла.

– Вот видишь, – сказал он, поднимаясь на ноги. – Но это уже лучше. Раньше я слетал в мгновение ока.

Фрэнсис долго не могла просмеяться. Но когда Аллан упал, она спешила, поставила ногу в стремя Горчицы и легко, как птичка, взлетела в седло. Аллан стоял, разинув рот от удивления. Каждый его мускул напрягся. Он ежесекундно ожидал увидеть, как Фрэнсис свечкой взлетит в небо, и не смел даже крикнуть ей, что это опасно, боясь, что звук голоса может раздражить упрямую кобылу. К его невыразимому удивлению, Горчица только потрянула головой и неторопливо поскакала прочь. Она сделала небольшой круг и вернулась.

– Отпусти немного ремешки на стременах Крапчатого, – велела Аллану девушка, подтягивая такие же ремешки у Горчицы. – Сегодня ты поедешь на моем коне.

– Что ты сделала? Как тебе это удалось? – изумленно выдохнул Аллан.

Фрэнсис спокойно поглядела ему в лицо.

– С лошадьми надо обращаться так же, как с кроликами, – объяснила она парню. – Главное, ты должен поймать их взгляд, а дальше все проще простого!

Такое объяснение предполагало дальнейшее развитие темы. Более того, оно совсем ничего не объясняло. Но Аллан как зачарованный молча смотрел девушке в глаза, смутно догадываясь, что она едва сдерживается, чтобы не рассмеяться. Что же касается Крапчатого, то он только недовольно заржал, огорченный непривычно большим грузом, опустившимся ему на спину. Оставаясь таким же спокойным и добродушным, как всегда, Крапчатый потрянул головой и пристроился рядом с Горчицей. От смущения и замешательства бедный Аллан с полчаса не мог вымолвить ни слова. Наконец ему удалось достаточно ясно выразить словами то, что творилось в его душе.

– Существует великое множество истин, которые человек должен постичь на своем личном опыте, – произнес молодой человек. – Я думал, что вне города жизнь должна быть гораздо проще. Но теперь я вижу, что это далеко не так.

– За исключением девушек, – заметила Фрэнсис, – с которыми гораздо проще разговаривать как раз в сельской местности.

Аллан немного поразмыслил. Он редко отвечал на замечания сразу – обычно он прежде долго раздумывал, – но теперь решил. Упрямо склонив голову, он сказал:

– Если бы я вчера знал тебя так же хорошо, как сейчас, я никогда бы не отважился заговорить с тобой.

Это заявление вызвало у Фрэнсис новый взрыв смеха. Она смеялась так звонко и заразительно... Вспышка веселья продолжалась довольно долго. Но хотя девушка смеялась над Алланом, он, наверное, впервые в жизни не чувствовал, что над ним насмеются с намерением унижить и оскорбить. Уже не раз Фрэнсис наглядно доказывала, что Ал ведет себя как глупец и слабак, но в ее отношении к парню не было заметно отвращения или пренебрежения. Насколько мало он значит для нее как мужчина, выяснилось очень скоро, когда девушка задала Аллану несколько вопросов. Она спросила, как он определяет дорогу в этой дикой местности. Аллан сказал на это, что заехал уже довольно далеко на Запад и надеется, что сможет продолжать путь без особых затруднений. Умеет ли он обращаться с лассо? Нет?! Что он знает о коровах и овцах? Ничего не знает?! Чем же он занимался до сих пор? Косил траву, ворошил и складывал в скирды сено...

– И у тебя получалось? – поинтересовалась Фрэнсис, но за этими вежливыми словами явно читалось удивление.

– Как видишь, – немного резко ответил Аллан.

Но в глубине души ему очень хотелось, чтобы она была в спортзале Кэйзи, когда он одним ударом свалил Бада.

Ближе к полудню из-под гряды красноватых скал выскочил кролик и побежал по полю наперерез всадникам. Аллану выпал случай на практике увидеть охоту на кроликов с помощью «гипноза». Гипноз проводился с помощью винчестера, который Фрэнсис мгновенно выхватила из кобуры у седла Крапчатого. Девушка вскинула винтовку к плечу. Аллан наблюдал, как ствол медленно

поворачивается, следуя за бегущим кроликом. Прогремел выстрел, бедный зверек высоко подпрыгнул и упал без движения.

– В голову, Ал! Наверняка в голову! – воскликнула прелестная охотница и, пришпорив Горчицу, вихрем понеслась к добыче. Когда Аллан подъехал, девушка уже спешила и подобрала кролика. – Смотри! – гордо заявила Фрэнсис.

Винсент увидел, что пуля действительно попала кролику точно в голову. Из этого кролика они приготовили себе обед, когда остановились на привал. Короткая передышка – и вот всадники уже снова скачут вперед. Аллан спросил у девушки, как она научилась так метко стрелять. Фрэнки задумалась и, прежде чем ответить, некоторое время ехала, внимательно вглядываясь в дорогу под копытами коней.

– Я скажу тебе, Ал, – наконец решилась она. – Когда ты поймал цель на мушку, ты должен очень захотеть попасть. И только тогда спускай курок.

Все ее юное тело трепетало от охотничьего азарта. Аллана это изумляло. В самом деле, в течение сегодняшнего дня он все больше приходил в замешательство, понимая, что Фрэнсис куда умнее его. Этой ночью Аллан получил неопровержимое доказательство того, что она по отношению к нему испытывает только жалость. Они разговаривали. Фрэнсис разоткровенничалась и сказала, что в этих диких землях Аллан явно не на своем месте. Ему лучше вернуться на Восток, в какой-нибудь город, где о таких добропорядочных людях заботится закон. Аллан заметил, что когда девушка упомянула закон, по ее губам скользнула легкая улыбка. Было ясно, что ей-то закон без надобности, а вот Аллан без него пропадет.

Эта ночь была совсем не похожа на предыдущую. Аллан не сомкнул глаз до самого рассвета, жестоко страдая от презрения Фрэнсис. Если он и погружался ненадолго в дремоту, ему снилась дикая дева-кентавр, скачущая по горам. Она сжимала в руках винтовку и залиvisto смеялась. Но утром, когда его спутница готовила завтрак, она, словно бы затем, чтобы смутить его еще больше, проявила первые признаки самой настоящей женской слабости.

– Предположим, мы доберемся до Эль-Райдела, а Джима там вдруг не окажется? И никто не будет знать, куда он поехал? Что же мне тогда делать?

Фрэнсис показалась вдруг молодому человеку такой беспомощной, что сердце его сжалось и затрепетало от необъяснимых чувств. Но ее следующее замечание вернуло Аллана к суровой действительности. Аллан спросил, когда предположительно они должны доехать до Эль-Райдела, и в ответ услышал, что сегодня, чуть позже полудня. Значит, это будет последний день их совместного путешествия. Разве что Джима в Эль-Райделе действительно не окажется. От этой мысли Аллану стало тоскливо. Перед отъездом он предпринял очередную отчаянную попытку объездить Горчицу и завоевать хоть немного уважения Фрэнсис, но у него снова ничего не получилось. Горчица ухитрилась извернуться восьмеркой, и незадачливый наездник в полминуты слетел на землю. Когда он поднялся, девушка не смеялась, а только покачала головой с легким неодобрением.

– Мне никогда не стать наездником! – безнадежно проговорил Аллан.

Фрэнсис холодно заметила:

– Не знаю, не знаю. Дай-ка я ей займусь!

Фрэнки сперва проехала на Горчице тихо, потом принялась погонять ее хлыстом и шпорами. Горчица брыкалась как бешеная. Но после пятиминутной схватки, за которой Аллан мог лишь беспомощно наблюдать со стороны, кобыла вынуждена была признать свое поражение. Девушка спрыгнула с лошади. Эта победа далась ей не так легко, как могло показаться. Лицо Фрэнсис побледнело, глаза блестели. Но она плотно сжала губы и, призвав на помощь все свое самообладание, старалась не шататься, когда подходила к Аллану.

– Теперь ты, – предложила она хрипловатым голосом. – Я думаю, в этой Горчице стало поменьше перца.

Аллан погладил лошадь по дрожащему, покрытому капельками пота боку и вскочил в седло, готовый ко всему. Однако кобыла, к великому удивлению Аллана, даже ни разу не попыталась взбрыкнуть. Горчица прыдала ушами, трясла головой и вообще, похоже, смирилась с неизбежным. Ей оказалось достаточно одного преподанного в доступной форме урока хороших манер, и дальнейшее знакомство с хлыстом и шпорами не входило в ее планы. Если утреннее происшествие сломило дух Горчицы, то сам Аллан был просто потрясен. Молодому человеку хотелось выглядеть героем, защитником слабых. А

тут приходится, так сказать, принять дар милосердия от дамы сердца! Думая об этом, Аллан стонал про себя.

Все утро они ехали через предгорья и скоро оказались в настоящих горах. Склоны гор густо поросли кедровником. Молодые люди ехали среди гигантских сосен, копыта их лошадей с легким хрустом ступали по толстому ковру опавшей мертвой хвои. К полудню впереди показался Эль-Райдел.

Вниз по западному склону горы проложил свой путь стремительный поток, текущий со снежных вершин. Он был покрыт пеной, белоснежной, как сами горные снега, а там, где он срывался в пропасть, вода рассыпалась облаком мелких брызг. И там, где поток достигал подножия горы, в устье узкой долины, вдоль склонов которой тянулись темные призраки сосен, лежал Эль-Райдел. Эль-Райдел был всего лишь небольшим поселком, наверное, не более полусотни домов. Аллан успел пересчитать все крыши, еще когда они были в часе езды от городка.

Всадники быстро поскакали по тропке, ведущей вниз, в долину. Вскоре тропка расширилась, превратившись в настоящую дорогу, выбитую в грунте колесами повозок и лошадиными копытами. И вот они уже пылили по главной улице городка. Перед въездом в собственно городок Фрэнсис натянула поводья и придержала коня.

– В этом городке, – осторожно начала она, вглядываясь в лицо Аллана, – немало суровых парней. Ты действительно уверен, что хочешь сюда попасть, Ал? Эти ребята чаще всего предпочитают беседовать при помощи своих пушек!

Аллан почувствовал себя настолько униженным, что долго не решался взглянуть девушке в глаза.

– Я решил, – хрипло ответил он.

Они бок о бок пронеслись по городку и остановились у старой, некрашеной развалюхи довольно больших размеров, поперек фасада которой висела криво прибитая вывеска, гласившая: «Гостиница «Империя».

– Джим здесь жил! – воскликнула девушка. – Отсюда он отправлял мне почту. На конвертах была пометка «Империя»!

– Подожди здесь, – сказал Аллан и, спрыгнув с лошади, направился внутрь гостиницы.

Похоже, «Империя» переживала нелегкие времена. На веранде не прохлаждалось ни одного бездельника, в коридоре, который одновременно служил прихожей, не было ни души, кроме тучного мужчины, который сидел, откинувшись в кресле и положив вытянутые ноги в крепких башмаках на высокую печку, расположенную на уровне его лица в самом центре комнаты.

– Я хотел бы видеть содержателя этой гостиницы, – произнес Аллан самым вежливым голосом.

Толстый мужчина заложил большие пальцы за широкие ленты подтяжек, пересекавшие его грудь и глубоко врезавшиеся в мягкое тело на плечах.

– Это я и есть, – ответил он.

– Тогда, – продолжил Аллан, – вы, наверное, можете сообщить некоторые интересующие меня сведения.

– Может быть, – последовал ответ.

– Мне нужно найти Джима Джонса, – сказал Аллан.

Хозяин гостиницы пинком открыл лязгнувшую дверцу, потом пинком закрыл ее, но с ответом не торопился.

– Мне нужно найти Джима Джонса, – повторил Аллан немного настойчивее.

– Ты, наверное, его приятель? – В голосе толстяка прозвучали зловещие нотки. Он безуспешно пытался повернуть голову к Аллану – мешали складки жира на пухлой шее.

Характер у Аллана, как мы видели, был мягкий и доброжелательный, нежный, как мед с молоком. Но сейчас в нем стало нарастать раздражение.

– Так вы можете сообщить мне, где находится Джим Джонс? – в третий раз спросил он.

– А кто этим интересуется?

– Девушка. Его сестра, – ответил Аллан.

Хозяин гостиницы не спешил отвечать даже после такого пояснения. Но через пару минут все же задумчиво произнес:

– Пусть все дружки Джима Джонса отправляются в преисподнюю, да и он не задерживается на этом свете – туда ему и дорога!

Красная пелена застлала Аллану глаза, как будто он через закрытые веки смотрел на полуденное солнце. Он наклонился, положил руки на подлокотники кресла, в котором развалился хозяин гостиницы, и легко поднял его в воздух. Встряхнул и поставил на место. Потом еще раз повторил свой вопрос. Толстяк побагровел от негодования, его лицо налилось кровью, а большая пухлая рука легла на рукоятку кольца. Однако он не спешил вынимать револьвер из кобуры.

Он вдруг осознал тот факт, что вес его – а он недавно проверял это с помощью весов – составляет приблизительно двести восемьдесят фунтов. Кресло, в котором он устроился, весит еще около двадцати. А парень, который склонился над ним, поднял весь этот невероятный груз так легко, как будто толстяк был тряпичной куклой, а не живым существом из мяса, костей и жира. Хозяин гостиницы немного поразмыслил над этим фактом и малость побледнел.

– С чего бы это тебе интересоваться Джимом Джонсом? – спросил он Аллана, внимательно и настороженно изучая его лицо. Это лицо не могло принадлежать человеку, привыкшему к насилию. Глаза, смотревшие на него сверху вниз, были добрыми и мягкими, как глаза семнадцатилетней девушки, еще не научившейся не доверять жестокому окружающему миру.

– Я уже сказал, что сестра Джима здесь и спрашивает о нем, – ответил Аллан.

– Черт меня побери, терпеть не могу, когда леди пускается в дальний путь понапрасну, – произнес толстяк, – но только она сюда приехала зря, и это так же

верно, как то, что меня звать Билл Хоудж. Джима Джонса ей здесь не найти.

- Но ведь он здесь был, не так ли?

- Ну был.

- Однако теперь он уехал, верно?

- Уехал.

- Знаете ли вы, где он сейчас?

- Если бы я знал, разве я сидел бы здесь?! Нет, сэ, я бы во весь опор скакал туда, где он скрывается, и скакал бы не один, а с шерифом и дюжиной других джентльменов из этого городка, которым до смерти хочется повидаться с Джимом!

Радостное, исполненное надежд лицо Фрэнсис всплыло в памяти Аллана, и он с грустью спросил, что такого натворил ее брат.

- Да ничего особенного, только что свалил от меня, не заплатив за месяц за комнату и еду. Да еще подстрелил парнишку шерифа, Чарли, и едва не убил его, да потом еще заставил нас попусту гонять лошадей, пока мы его ловили, и свел коня у Хэнка Муна, а теперь наверняка связался с шайкой кровожадных ублюдков Гарри Кристофера. А так он не сделал ничего такого, о чем стоило бы говорить!

Глава 7

Роковая ошибка Аллана

Когда Аллан возвращался к Фрэнсис Джонс, его переполняла странная смесь ощущений - внешнее уныние и внутреннее ликование. Это ликование, конечно, было чистейшим эгоизмом, но теперь Аллан был уверен, что у него еще остается

шанс доказать Фрэнсис, что он настоящий мужчина, несмотря на все свои недостатки. И еще ее брат не разлучит его с девушкой прямо сейчас. Фрэнсис достаточно было взглянуть на его лицо. Она соскользнула с Крапчатого и бросилась навстречу Аллану.

- Что случилось? - воскликнула она дрожащим от волнения голосом. - Что-то не так? Джим не ранен?

- Нет. Он цел и невредим, - успокоил ее Аллан самым бодрым тоном, на который был способен.

Но Фрэнсис отступила назад, застонав, как от сильной боли.

- Значит, случилось что-то худшее, - проговорила она. - Джим вконец распустился и устроил погром? Я угадала?

- Произошло небольшое недоразумение...

- И он удрал из города. Я знаю! Наш па тоже был такой, но он рано женился и сумел остепениться. А теперь все, что не сделал когда-то отец, совершает Джим и... и... лучше бы мне на свет не родиться!

Ее горе было таким бурным, что Аллан даже не попытался как-нибудь успокоить девушку. Горести большинства женщин казались молодому человеку похожими на детские печали - они вызывали жалость, может быть, сочувствие, но никогда не были по-настоящему трагичны. Но Фрэнсис Джонс страдала, как страдают мужчины. Ни слезинки не скатилось из ее глаз, но все тело девушки дрожало, голос был хриплым, горло сдавливали сдерживаемые рыдания.

Но вот боль немного притупилась, девушка оперлась о перила крыльца, все еще потрясенная, измученная, отчаявшаяся.

- Что же мне делать? - произнесла она, обращаясь скорее к самой себе, чем к Аллану.

- Нам лучше всего будет остановиться здесь, - сказал парень. - У нас нет никаких шансов найти Джима. Если бы кто-нибудь в Эль-Райделе узнал, где

сейчас твой брат, они немедленно поехали бы ловить его. Поэтому конечно же никто здесь не сообщит нам то, что нас интересует. Остается только ждать здесь и надеяться, что Джим узнает, где ты находишься, и попытается встретиться с тобой. По-моему, это логично.

Фрэнсис удивленно взглянула на Аллана, пораженная рассудительностью, которой она от него совсем не ожидала. Это было самое естественное, что Фрэнки могла сейчас сделать, поэтому она кивнула.

– За исключением того, что мне придется продать Крапчатого, чтобы оплатить гостиницу.

– У меня достаточно денег, чтобы заплатить за двоих, – возразил Аллан.

– Я не приму подачки, – холодно ответила девушка.

– Это не подачка, Фрэнсис. Когда Джим приедет, он вернет мне деньги.

И Фрэнки согласилась. По крайней мере, ничего лучшего она предложить не могла. Аллан помог девушке донести тюк с ее шерстяным одеялом и снаряжением до комнаты, которую Билл Хоудж выделил для нее с нескрываемым недовольством. У входа Фрэнсис остановилась, одной рукой взявшись за ручку двери, а другой легонько тронув Аллана за плечо и заглянув ему в глаза.

– Ал, – сказала она. – Ты честный парень. Самый честный из всех, кого я когда-либо встречала.

И проскользнула в комнату, захлопнув дверь перед самым его носом, прежде чем Аллан успел что-нибудь сказать в ответ. Между тем у него в кармане было только двенадцать долларов, на которые им двоим предстояло здесь прожить неопределенное время. А цены в горах, должно быть, довольно высокие. За отсутствием более надежного источника информации Аллан отправился напрямик к Биллу Хоуджу.

Хоудж на вопрос о работе только уставился на парня маленькими, заплывшими жиром глазками.

– И какую же работу ты можешь выполнять? – поинтересовался он. – Умеешь ли ты обращаться с топором, ручной дрелью или домкратом? А может быть, ты когда-нибудь пас скот? Или...

– Я не имею ни малейшего представления обо всем этом, – признался Аллан. – Но если найдется работа, требующая лишь усердия и крепких рук, то это как раз для меня. Можно ли в окрестностях Эль-Райдела найти такую работу?

Билл Хоудж не поверил ему. Казалось невероятным, чтобы человек, который чисто говорит по-английски и смотрит прямо в глаза собеседнику, действительно согласился бы на грязную работу. Поэтому Хоудж решил, что мудрее всего будет подмигнуть молодому человеку и сказать, что работу такого рода вполне можно будет найти... со временем.

– Кто хочет найти работу, – сказал он, – обязательно ее найдет. А те, кто ищет неприятностей на свою голову, – добавил он многозначительно, – тем более получают то, что им причитается.

После этого мудрого замечания Аллан некоторое время стоял, погруженный в раздумья. Потом пожал плечами и пошел в городок, на поиски заработка. Но слухи распространялись здесь с потрясающей, просто невероятной скоростью. И никто, по-видимому, не нуждался в работнике с парой сильных рук. Аллан зашел к кузнецу, который на чем свет стоит ругал бестолкового помощника, заставляя его покрепче держать щипцы, пока сам кузнец будет работать молотом.

– Может быть, вы возьмете в помощники другого парня? – спросил Аллан, остановившись в дверном проеме.

– Парня? – громыхнул голос кузнеца, пожилого мужчины с гривой седых волос, которые казались почти черными из-за осевшей на них копоти. – В наши дни больше нет настоящих парней. Люди старой закалки совсем перевелись. А за теперешних я бы и ломаного гроша не дал.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – спокойно сказал Аллан.

Кузнец кивком послал помощника к горну с куском железа, над которым они трудились.

– Не понимает он! – усмехнулся кузнец. Седина в волосах давала ему право на некоторую вольность в выражениях. – Ты такой же, как вся остальная нынешняя молодежь. И ты даже не хочешь понимать. Трудовой пот не в чести у теперешней молодежи. Старики всю жизнь гнули спину и воспитали толпу бестолковых тунеядцев, которым все подавай за так. Какого роста был твой отец?

Аллан никак не ожидал такого вопроса, но ответил, что ростом его отец был чуть выше шести футов.

– Вот так-то! В нем было шесть футов! А ты? Старая история – все вырождается. Никого вокруг, одни коротышки! Только сорняки теперь растут до неба! Взгляни вон туда, возле двери. Я был совсем молодым, когда поставил сюда этот бочонок. Тогда он был так же полон до краев обрезками железа, как и сейчас. Мне не было и тридцати, а Эль-Райдел тогда был только крохотным поселком. Так вот, сэр. Я вытащил этот бочонок из фургона, в котором его привезли, голыми руками и поставил туда, где он стоит по сей день. Разве есть в наши дни в Эль-Райделе человек, способный хотя бы сдвинуть бочонок с места? Где теперь найдешь такого мужчину?

При этих словах по телу Аллана заструилось ощущение разбуженной мощи, согревая мышцы. Он наклонился и обхватил бочонок руками. Его мышцы напряглись, плечи дрогнули, потом расправились, и бочонок стал подниматься, вырванный из своего извечного места в полу, вместе с налипшими на дно комьями влажной земли. Аллан поднял груз до уровня груди. Вдруг дно бочонка проломилось, и на пол дождем посыпались обрезки железа.

Кузнец подскочил на месте, не сдержав возгласа удивления. Он застыл в шаге от Аллана, потрясенно уставившись на парня, который только что изорвал в клочья всю гордость геркулесовской юности кузнеца. Ведь в те давние времена о богатырской силе кузнеца ходили легенды и люди приезжали за много миль, чтобы взглянуть на него. А в том, что сделал этот парень, кузнец словно вновь воочию увидел мощь, которой некогда был одарен он сам и которую похитила у него коварная старость. Кузнец посмотрел на Аллана так, словно это была вина самого парня. Но печалился он недолго. Плохое настроение быстро ушло. Потому что кузнец, как и большинство людей, которые зарабатывают на жизнь собственным трудом, для кого проклятие Адама воплощается совершенно реальным потом, был чрезвычайно честен. И теперь он только кивнул, глядя на молодого человека.

– Нет правил без исключений, – сказал он беззлобно. – Но чего, собственно, ты хочешь от меня?

– Работы, – сказал Аллан.

Кузнец усмехнулся и покачал головой:

– Я слышал, что о тебе говорят, парень. Дружку Джима Джонса не нужна та работа, какую я могу предложить. Плачу я маловато.

И кузнец выпроводил Аллана. Тот побрел обратно в гостиницу. Дела сейчас обстояли действительно скверно. Денег Аллана могло хватить не больше чем на пару дней, учитывая, что ему нужно содержать не только себя, но и девушку. За ужином они сидели вдвоем в дальнем конце длинного стола, который предназначался для постояльцев «Империи». Аллан не посвятил девушку в неутешительные результаты своих сегодняшних исследований. Кроме них, за столом сидело еще с полдюжины людей. Манеры у них были такие же грубые, как и их одежда, но Аллан не мог не восхищаться их тактичностью. Все они сгорали от любопытства, так интересовала их сестра Джима Джонса. Но мужчины осмеливались разглядывать девушку только украдкой. В любом другом месте на нее бы глазели хотя бы из-за ее прелестного личика, но здесь с ней обращались так церемонно, словно она была почтенной пожилой леди! Аллан восхищался тактом местных парней. Но он почти не обращал на них внимания. Он сам был целиком и полностью занят Фрэнки, которая улыбалась ему через стол. Ал восторгался ее грацией, ее узкими запястьями и изящными пальчиками. Он преклонялся и перед здравым рассудком Фрэнки, который удерживал ее от малейших упоминаний о том, как она тревожится за брата. Его имя ни разу не сорвалось с ее губ, даже тень беспокойства ни разу не затмила ее взгляда. И, несмотря на ее резковатые манеры и раскованное поведение, Аллан сейчас видел в девушке то же, что и раньше, – аромат и блеск самого изящества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/brend_maks/novichok

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)